

Петр Федорович — Император Всероссийский

В 1742 г. в результате дворцового переворота к власти в России пришла дочь Петра I — Елизавета. «Дщерь Петрова» была незамужней и бездетной и, согласно закону о престолонаследии, императрица должна была назначить преемника. Выбор Елизаветы Петровны пал на ее племянника — это был Карл Петр Ульрих, герцог Голштинско-Готторпский (1728–1762).

История этого герцогства восходит к XV в. Голштиния образовалась в 1474 г. из графств Голштиния и Штормарн. Будучи независимым герцогством, оно все же тяготело к Дании. Датский король Христиан III (1554–1559) был родоначальником датской «королевской старшей» линии; при нем в стране была введена Реформация. Брат Христиана III, герцог Адольф (сконч. 1586 г.), был основателем голштинско-готторпской династической линии, к которой и принадлежал Карл Петр Ульрих. (В 1720 г. Дания присоединила к своим владениям Шлезвиг, а в 1806 г. — Голштинию. В 1864 г. в ходе войны с Пруссией Дания лишилась Шлезвига, Голштинии и Лауэнбаха. С 1866 г. Голштиния стала частью прусской провинции Шлезвиг-Голштейн.)

По отцовской линии Карл Петр Ульрих был внуком шведского короля Карла XII; в детстве он воспитывался в лютеранской вере как наследник шведского престола. Современником Карла Петра Ульриха был Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833), известный писатель, участник Семилетней войны (1756–1763). Она велась прусским королем Фридрихом II (в союзе с Англией) против Австрии, России, Франции, Швеции и Саксонии. Вот что пишет А.Т. Болотов о Карле Петре Ульрихе, которому было суждено впоследствии стать всероссийским императором с именем Петр III: «Был сей государь хотя и внук Петра Великого, но не природный россиянин, но рожденный от дочери его Анны Петровны, бывшей в замужестве за голштинским герцогом Карлом-Фридрихом, в Голштинии, и воспитанный в лютеранском законе, следовательно, был природою немец и назывался сперва Карлом-Петром-Ульрихом. Сей голштинский принц был еще в 1742 г., и когда было ему только 14 лет от рождения, признаваем наследником шведского и российского престола, и получал уже от Швеции титул королевского высочества. Но так как императрица Елизавета, будучи незамужнею, не имела никакого наследника, а сей принц был родной ее племянник, то, избрав и назначив его

по себе наследником, выписала его еще вскоре по вступлении своем на престол из Голштинии, и он был еще тогда привезен к нам в Россию»¹.

Слухи о возможном приезде Карла Петра Ульриха в Россию циркулировали в дипломатических кругах, и вероисповедный фактор был одним из основных вопросов, обсуждавшихся в связи с этой темой. «Выбор веры» был тесно связан с выбором короны: либо православная Россия, либо лютеранская Швеция. Суть проблемы изложил в одном из своих донесений из Санкт-Петербурга Эдуард Финч, полномочный министр Великобритании при русском Дворе (с 1740 по 1742 гг.). В письме, отправленном 19 декабря (30 декабря н.ст.) 1741 г. на имя лорда Вильяма Гаррингтона, статс-секретаря короля Георга II, Э. Финч делится с ним своими соображениями. «О приезде сюда герцога Голштинского, конечно, думали, и давно, но по дальнейшим соображениям, кажется, решились не спешить, — пишет британский посланник. — Дело представляется так: если он прибудет сюда лютеранином, это явится обидой Греко-Российской Церкви и, следовательно, препятствием его видам на престол; если же он, напротив, приедет сюда, приняв Православие (согласно воле, выраженной в Манифесте Екатерины /1-й/), он немедленно становится наследником; но раз он в силах будет постоять за права свои, это именно и заставит видеть в нем опасного соперника и, при малейшем недовольстве, — первое орудие нового переворота. Если даже и этого не случится, его все-таки приходится призывать в шаткой надежде на то, что государыня (Елизавета Петровна. — *а. А.*) никогда не вступит в брак, или на то, что, в случае брака, у нее не будет детей. Такой брак не вероятен, но не может быть признан абсолютно невозможным. А между тем, решась на приезд сюда в качестве наследника престола, он должен отказаться от настоящих своих голштинских владений и от наследования в Швеции, которого, вследствие смерти королевы, ему, по естественному ходу вещей, уже ждать недолго: от наследования в Швеции — в силу коренных законов этой страны, от своих владений — в силу золотой булль»².

В 1742 г. по приглашению Елизаветы Петровны Карл Петр Ульрих приехал в Россию. Хотя первоначально о причине его приезда официально не сообщалось, дипломаты были прекрасно осведомлены о подоплеке этого события. Так, 30 октября (10 ноября) того же 1741 г. английский полномочный министр при русском Дворе Сирил (Кирилл) Вейч отправил из Москвы в Лондон донесение, где, в частности, говорилось: «Вскоре после возвращения нашего в Петербург молодой герцог Голштинский провозглашен будет наследником русского престола. Его Высочество перейдет в лоно Греческой (т.е. Православной. — *а. А.*) Церкви, в вероучении которой его наставляли последнее время»³.

Герцог Карл Петр Ульрих принял Православие 7 ноября 1742 г. в Москве, где находилась тогда и Елизавета Петровна, и члены Св. Синода. Они пребывали в первопрестольном граде после недавней коронации императрицы. Перейдя в Православие, герцог Голштинский принял имя Петра Феодоровича; он причастился за литургией Св. Христовых Тайн, и по окончании богослужения был объявлен Елизаветой наследником престола с титулом Его Императорского Высочества Великого Князя.

А на следующий день в Лондон ушла «шифровка», отправленная К. Вейчем на имя графа Джона Гренвилла Картерета, статс-секретаря короля Георга II. «Хотя и не было никакого сомнения в намерении Ее Величества объявить юного герцога своим наследником, здесь никто не ожидал, что государыня сделает это так скоро или таким образом, не сообщив о своем намерении ни ближайшим советникам, ни Сенату, ни кому-либо из знатнейших сановников, кроме архиепископа Новгородского (Амвросий Юшкевич, 1690–1745 гг. — *а. А.*), воспитателя герцога — Брюммера да Штакельберга. Они только и были посвящены в тайну»⁴.

В донесении английского дипломата сообщается о том, что именно предшествовало этому событию. «Прошлую субботу вечером царица послала за генерал-прокурором и приказала ему немедленно составить проект указа или манифеста, которым бы герцог Голштинский провозглашался наследником престола, а подданные Ее Величества призывались в присяге высказать признание прав герцога на наследование и дать клятву поддерживать его, не щадя ни жизни, ни имущества»⁵, — повествует К. Вейч, а затем он возвращается к главной теме.

«Вчера поутру герцог был миропомазан и приобщился Св. Тайн в дворцовой церкви, по обряду Греческой Церкви; когда же обряд завершился, Ея Величество объявила герцога своим наследником с титулом императорского высочества Петра Феодоровича, великого князя Российского, — пишет английский дипломат. — Вечером при Дворе был большой съезд; вице-канцлер подошел ко мне и заявил о случившемся поутру. Такие же заявления сделаны им были и прочим министрам, после чего мы согласились обратиться вчера вечером при Дворе к герцогу с кратким приветствием, а на другой день — явиться к его высочеству в его собственные апартаменты с поздравлением по случаю столь знаменательного события. Все это и было выполнено. Приняты мы были великим князем очень любезно»⁶.

Основные торжества по «инаугурации» наследника российского престола предполагалось провести в Санкт-Петербурге. 16 ноября (ст. ст.) Св. Синод издал на этот счет специальные распоряжения. В это

время на Неве был ледостав, наплавные мосты разобраны, и не было возможности собрать петербургское духовенство со всех концов города в один собор. Поэтому торжества в честь наследника совершались в разных храмах Санкт-Петербурга. Непосредственное руководство празднествами осуществлялось через «домовую контору» епископа Никодима (Сребницкого) (1742–1745), незадолго перед этим назначенного на С.-Петербургскую кафедру. (Высочайший Указ об открытии Санкт-Петербургской епархии последовал 1 сентября 1742 г. 13 сентября состоялось определение Синода объявить о назначении на новую кафедру преосвященного Никодима (Сребницкого), уроженца Украины, впоследствии епископа Переяславского (1745–1751).). Кандидат на новую столичную кафедру и его титул были предложены архиепископом Амвросием (Юшкевичем) и митрополитом Арсением (Мацевичем): «Петербургский архиепископ титуловался бы Санкт-Петербургским и Шлюсенбургским, понеже Шлюсенбург первая крепость в Империи, взятая превеликими трудами и преславною победою державного вашего Величества родителя государя императора Петра Великого»⁷.

Главное празднество имело место в Петропавловском соборе в пятницу 19 ноября. К окончанию литургии в собор прибыли Пимен, епископ Вологодский и Белозерский; член Св. Синода Феофилакт, архимандрит Костромского Ипатьевского монастыря, а также духовенство с Петербургской и Выборгской стороны. По окончании литургии раздался благовест, били в большой колокол. Протодиакон Петропавловского собора о. Михаил Алексеев взшел на кафедру и громогласно прочитал императорский письменный указ, а также манифест о назначении наследника (см. Приложение 1) и присягу (Приложение 2), составленную на этот случай. По окончании чтения было совершено благодарственное молебное пение, а затем раздался колокольный звон и пушечная пальба со стен крепости.

В то же самое время преосвященный Никодим, епископ Санкт-Петербургский, служил литургию и благодарственный молебен в церкви Зимнего дворца, куда прибыло духовенство Исаакиевского собора и все свободные от несения череды священники церковей Адмиралтейской стороны и Московской заставы. С Адмиралтейства была открыта пушечная пальба. Васильевский остров был отрезан ледоставом и от Петербургской, и от Адмиралтейской стороны. И там в Андреевской церкви благодарственный молебен совершил иеромонах Кадетского корпуса в сослужении с духовенством острова. В Троицком соборе Александроневского монастыря молебен с благовестом, звоном и пушечной пальбой служил наместник иеромонах Досифей с братией.

По окончании молебна священники вернулись в свои соборы и церкви, где также отслужили благодарственные молебны; колокольный звон продолжался в течение трех дней. «И тако, — говорится в записях тех лет, — во всем С.-Петербурге оное торжество благополучно исправлено»⁸.

Первыми приняли присягу духовные и гражданские чины, присутствовавшие на молебне в Петропавловском соборе. Во главе гражданских чиновников стоял тогдашний обер-комендант в звании генерал-лейтенанта Стефан Лукич Игнатьев. На другой день присягнули в том же соборе все служившие в домовой архиерейской конторе. Такое же чиновование было совершено по всей Санкт-Петербургской епархии, а подписи в присяге собраны и поданы списками в Сенат⁹.

Так Петр Феодорович стал наследником российской короны, а между тем его по-прежнему желали видеть и на шведском престоле. 26 ноября (ст. ст.) 1742 г. К. Вейч сообщал из Москвы лорду Картерету в Лондон: «Вчера в 11 часов утра один поручик французской службы прибыл сюда из Стокгольма с депешами от французского посла Ломари с неожиданной вестью, что 26 октября (ст. ст.) на генеральном собрании сейма четыре сословия Швеции избрали и затем в торжественном заседании объявили герцога Голштинского наследником шведского престола. Несколько часов спустя вслед за французским курьером должен был выехать сюда и другой курьер от голштинского резидента в Стокгольме, Пехлина. Его скоро ожидают сюда с большими подробностями. Французский поручик упоминал также, будто два сенатора должны прибыть в Москву в качестве депутатов от сейма, дабы известить герцога о великом событии»¹⁰.

Однако, перейдя в православие, великий князь Петр Феодорович утратил права на лютеранскую Швецию, о чем и свидетельствует в своем донесении английский дипломат. «Приди эти новости десятью днями раньше объявления герцога наследником русского престола, до его сопричисления к Греко-Российской Церкви, при котором лютеранское вероисповедание предавалось анафеме, будь Его Высочеству предоставлено свободно избрать тот или другой престол, он, — полагаю — склонился бы скорее на предложение, сделанное ему Швецией, — пишет К. Вейч. — Но теперь уже поздно, и когда шведские депутаты на пути сюда узнают о провозглашении его наследником русского престола и о том, что он принял греко-российское вероисповедание, они, пожалуй, остановятся и не придут сюда с предложением ему короны, которой он воспользоваться не может по законам Швеции, после того как отрекся от протестантизма, признав его проклятою ересью, о чем и объявлено

печатно во всеобщее сведение на русском языке с большой торжественностью»¹¹.

В 1741–1743 гг. Швеция вела войну с Россией, и вопрос о наследнике престола стоял довольно остро. Вероисповедный вопрос внес неожиданные коррективы в расклад русско-шведского «пасьянса», и участники большой политики вынуждены были только гадать, как решится эта проблема. «Мне очень любопытно узнать, какое впечатление новость о провозглашении герцога Голштинского наследником русского престола и перемена им вероисповедания произведет в Швеции, — пишет К. Вейч. — Я послал Гюи Диккенсу с капитаном Дрентелем особенное сообщение об этом событии. Оно должно прийти в Стокгольм около 25-го ноября, и возможно, что шведы, узнав о перемене в положении герцога Голштинского, примут по вопросу о наследстве шведского престола какое-либо другое решение, более согласное с их действительными интересами и более приятное королю»¹².

Лишившись надежды занять шведский престол, Петр Федорович, однако, намеревался укрепить свои тылы в Шлезвиг-Голштейне. Но и здесь камнем преткновения стал его переход в православие. О том, как развивались события в этом направлении, пишет К. Вейч: «Что касается проекта царицы о возведении на престол герцога-администратора Голштинии, весьма вероятно, что в настоящее время она постарается осуществить свои взгляды, пользуясь содействием партии, которая провела избрание молодого герцога и которая, нет сомнения, предложит свои услуги в данном случае. Полагаю однако, что министры Ея Величества посоветуют ей воздержаться от поспешных решений»¹³.

А тем временем русско-шведская война шла к концу, и после заключения мирного договора в С.-Петербурге были устроены торжества. Впервые общенародные молитвы в присутствии царской фамилии стали совершаться в Казанской церкви, что «при Невской большой перспективе». После окончания войны дипломатические отношения России со Швецией постепенно стали восстанавливаться. 18 октября (29 октября) 1743 г. К. Вейч отметил в своем очередном донесении: «Вчера имел частную аудиенцию также генерал Дюринг и передал Ея Императорскому Величеству от короля шведского письмо с поздравлением по поводу вступления ея на престол, так как эта формальность еще не была соблюдена им ввиду войны»¹⁴.

Поскольку Петр Федорович все еще числился наследником шведского престола, то вопрос о Голштинии С.-Петербургу следовало согласовать со Стокгольмом. По этому вопросу между обоими Дворами велась переписка, и в результате, как сообщает К. Вейч, «Ея императорское Ве-

личество согласилась на то, чтобы наследный принц шведский отрекся от герцогской доли Голштинии, как того желают шведы, лишь бы тем не были нарушены права великого князя и младших членов Дома голштинского, которых Ея Императорское Величество, кажется, решила пока поддерживать против кого бы то ни было»¹⁵.

Отказ Петра Феодоровича от владения Голштинией привел к тому, что это герцогство стало предметом торга в европейских дипломатических кругах. Причем, как и раньше, вероисповедание Петра Феодоровича было решающим аргументом в споре. К. Вейч приводит выдержку из одной французской газеты, в которой было помещено сообщение на эту тему: «Английский посланник Тревор, получив депеши от его Великобританского Величества, имел совещание с председателем и с другими правительственными министрами, причем объявил (Нидерландским) Генеральным Штатам, что ввиду перехода герцога Голштейн-готторпского от протестантского вероисповедания к вероисповеданию греческому герцогство Голштинское по праву переходит к короне датской и что в случае возражений по этому поводу его Великобританское Величество обещал Дании помощь, согласно просьбе о том датского Величества. Вопрос о том, какое направление примет это дело, вызывает здесь большую тревогу»¹⁶.

Голштинский вопрос затронул интересы нескольких европейских держав, и, как сообщает К. Вейч, из Петербурга было направлено соответствующее предписание «послу в Гааге графу Головкину, чтобы он разузнал истину»¹⁷. В свою очередь, английский дипломат смог достать копию декларации, «будто бы формально сделанной Генеральным Штатам через Тревора»¹⁸. По мнению К. Вейча, эта декларация не представлялась ему подлинной, тем не менее он переслал ее текст в Лондон, поскольку она касалась прав наследника российского престола.

В заявлении, (якобы) сделанном английским посланником Тревором Нидерландским Генеральным Штатам (Гаага, 15 октября 1743 г.), говорилось следующее: «Его датское Величество приказал основательно расследовать дело о герцогстве Голштинском и нашел, что герцог не только лишился права на Голштинию и другие владения, зависящие от Голштинии и расположенные в Германии, но еще, что все земли эти должны быть присоединены к датской короне и бесспорно принадлежать ей по нижеследующим причинам и основаниям:

1. Герцог Голштейн-готторпский отрекся от протестантского закона и принял греческое исповедание, дабы быть признанным наследником русского престола, потому не может более иметь никаких владений в составе империи, ни даже располагать таковыми владениями в чью бы

то ни было пользу в ущерб Дании, так как не сделал этого до своего отречения от протестантского исповедания.

2. Законы и учреждения Германии прямо устанавливают по этому поводу, что никто не в праве владеть землями в пределах империи на правах монарха, коль скоро перейдет к какому-либо вероисповеданию помимо римско-католического, лютеранского, реформатского и проч.

Вследствие всего вышеизложенного Его датское Величество, опираясь на законы и другие основания, обратился к Его Великобританскому Величеству с просьбой оказать ему в деле этом, в случае сопротивления со стороны Голштинии, свои добрые услуги и своевременную помощь, какая потребоваться может. Его Великобританское Величество, со своей стороны обещав Его датскому Величеству всяческую помощь и поддержку, приказывает мне иметь честь уведомить о том Генеральные Штаты, пояснить им справедливые основания, заставляющие Великобританию принять участие в этом деле, и заявить в то же время высоким Штатам, что — раз герцог Голштинский окончательно лишился прав на земли, которыми владел в империи — герцогство Голштинское по праву переходит к королю датскому. Его Великобританское Величество льстит себя надеждою, что, если какие-либо интересы, дорогие республике, не позволят ей оказать в данном случае содействия Его Величеству, высокие Штаты по крайней мере сохранят в этом случае нейтралитет»¹⁹.

Так вероисповедные вопросы в те времена влияли на расстановку сил на европейском континенте. Но Елизавета Петровна по-прежнему поддерживала притязания своего племянника на Голштинию; по словам К. Вейча, императрица была «убеждена, что его отречение от лютеранства и переход к греческому исповеданию отнюдь не лишают его права на герцогство Голштинское»²⁰.

Однако вероисповедный фактор не был единственным препятствием к удержанию Голштинии в сфере интересов Российской империи. Необходимо было учитывать и геополитические соображения; как отмечал К. Вейч, «вопрос этот подлежит разрешению курфюрстов и имперских князей, которые, пожалуй, и не потерпят, чтобы русская царица стала одной ногой в Германии. Хотя царица относится к делу очень горячо, русские министры смотрят на него менее сангвинически и не желают, чтобы наследник русского престола удержал за собой герцогство, которое может вовлечь Россию в распри с соседями и, вопреки склонностям русских, вынудить их вмешательство во внутренние распри Германии»²¹.

А поскольку Голштиния могла «уйти под Данию», в С.-Петербурге было решено укрепить русско-датские связи путем заключения династического брака. С российской стороны в качестве жениха была пред-

ложена кандидатура все того же Петра Феодоровича, о чем шла речь в тогдашней дипломатической переписке. «Мне не удалось добыть копии с мемории генерала Дюринга, упомянутой в прежних моих депешах, — пишет К. Вейч, — но знаю, что она содержит два пункта, именно — отречение наследника от притязаний на герцогство Голштинское и предложение брака его Высочества с принцессою датскою»²². «Мне удалось добыть копию с ответа царицы на меморию Дюринга, — продолжает английский “штирлиц”. — Несмотря на некоторые ограничения в пользу наследственных прав великого князя на Голштинию, царица соглашается на отречение наследника; одобряет и его брак»²³.

Однако задуманная комбинация в силу ряда причин не была осуществлена, и в 1744 г. Петр Феодорович женился на принцессе Софии-Августе Ангальт-Цербстской (будущей императрице Екатерине II): «совокуплен браком на выписанной также из Германии немецкой принцессе, названной потом Екатериною Алексеевною»²⁴.

Перейдя в Православие из лютеранства, Екатерина Алексеевна стремилась стать «своей» в глазах окружавших ее придворных и духовенства. В отличие от своей супруги Петр Феодорович был человеком, далеким не только от православия, но и от Евангелическо-Лютеранской Церкви. Об этом писала, будучи уже вдовой, сама Екатерина II: «Петр III, исповедав веру по обряду Греческой Церкви, был объявлен наследником Елисаветы и великим князем Русским. В учителя ему дали Симона Тодорского, бывшего потом епископом Псковским. Принц был крещен и воспитан по обряду и в правилах самого строгого и наименее веротерпимого лютеранства. С детства он не хотел ничему учиться, и я слышала от его приближенных, что в Киле по воскресеньям и в праздничные дни стоило великих трудов, чтобы заставить его идти в церковь и подчиниться благочестивым обрядам и что в разговорах с Симоном Тодорским он по большей части обнаруживал отвращение от религии. Профессор Штелин, который должен был учить его математическим наукам и истории, собственно только играл с ним и служил вместо шута»²⁵.

Можно предполагать, что в своих записках Екатерина II допускала необъективность, особенно в отношении своего венценосного супруга, умерщвленного с ее ведома. Но вот свидетельство независимого наблюдателя А.Т. Болотова, жившего в Санкт-Петербурге как раз в период правления Петра III. «По особливому несчастью случилось так, — пишет Андрей Тимофеевич, — что помянутый принц, будучи от природы не слишком хорошего характера, был воспитан еще в Голштинии не слишком хорошо, а по привезении к нам в дальнейшем воспитании и

обучении его сделано было приставами к нему великое упущение; и потому с самого малолетства заразился уже он многими дурными свойствами и привычками и возрос с нарочито уже испорченным нравом»²⁶.

Сохраняя былую приверженность к лютеранству, Петр III с пренебрежением относился даже к внешнему соблюдению православного ритуала. В своих воспоминаниях Екатерина II приводит эпизод, относившийся примерно к 1749 г.: «В начале зимы я стала замечать, что великий князь что-то очень тревожен. Я не знала, что это такое. Он накупил себе немецких книг. Но что это были за книги! Часть их состояла из лютеранских молитвенников, другую составляли юридические процессы и рассказы о разбойниках»²⁷.

Вероисповедная теплохладность стала одной из причин, по которой императрица Елизавета отстранила Петра Феодоровича от всех государственных дел и не допускала его на заседания Государственного совета. «И так как чрез то не оставалось ему ничего другого делать, как заниматься своими веселостями, то и делался он к правлению отчасу неспособнейшим, — пишет А.Т. Болотов. — Все дозволенное ему состояло в том, что он выписал несколько своих голстинских войск и в подаренном ему от императрицы Ораниенбаумском замке занимался экзерцированием оных и каждую весну и лето препровождал в сообществе молодых и распутных офицеров»²⁸.

Безразличие Петра Феодоровича к религиозной жизни России привело его в конце концов к гибели (1762 г.). Но за несколько лет до того заложником этой проблемы стал видный российский государственный деятель граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1767). В молодости он сделал блестящую карьеру: учился за границей, служил у курфюрста Ганноверского, с 1718 г. состоял при Дворе Анны Курляндской. С 1731 г. граф стал русским послом в Дании, с 1740 г. — кабинет-министром. С 1741 г. Бестужев-Рюмин стал вице-канцлером, а затем и канцлером при Дворе императрицы Елизаветы, и в этой должности руководил внешней политикой России.

С 1756 по 1762 гг. Россия принимала активное участие в Семилетней войне, и граф Бестужев-Рюмин был сторонником борьбы с Пруссией. Однако в самом начале войны он был лишен всех чинов и привилегий и сослан в Сибирь как государственный преступник. Вот как оценивал это событие А.Т. Болотов: «Достопамятное и всю Россию крайним изумлением поразившее падение бывшего тогда великим канцлером и первым государственным министром графа Бестужева, министра всеми хвалимого и всею Европою высоко почитаемого и даже всеми иностранными дворами уважаемого»²⁹.

Причина разжалования высшего сановника держалась в секрете, но уже вскоре поползли слухи о том, что граф пытался устранить Петра Федоровича с политической сцены, за что и поплатился карьерой. По свидетельству А.Т. Болотова, «министр, предусматривая малую способность наследника к правлению государственному и приметив крайнее отвращение его от нашей российской религии и все прочие его дурные качества и свойства, затевал, составив подложную духовную (грамоту), исключить от престола законного наследника и доставить корону императорскую малолетнему еще тогда его сыну (Павлу. — *а. А.*), с тем чтобы до совершенного возраста его управляла государством его мать (Екатерина. — *а. А.*), с некоторыми из вельмож знаменитейших и сенаторов, которые были к тому именно и назначены. И так как все сие каким-то случаем было императрицею (Елизаветой. — *а. А.*) узнано и открыто, то и излила она за то гнев свои на Бестужева и, как вышеупомянуто, наказала его за дерзость лишением всех чинов и ссылкой»³⁰.

Примечательно, что другой царский сановник — Михаил Петрович Бестужев-Рюмин (1688–1760), также имел некоторое отношение к наследнику российского престола. Еще в марте 1743 г. английский посланник К. Вейч сообщал из С.-Петербурга: «Обер-гофмаршал (М.П. Бестужев-Рюмин. — *а. А.*) недоволен своим положением и с удовольствием принял бы назначение за границу. Но есть план, который, быть может, удастся: предполагается назначить его воспитателем великого князя. Его Высочество принял греческое вероисповедание и объявлен наследником русской империи, потому естественно и разумно было бы отдать его на руки русским и духовенству»³¹.

К счастью для Михаила Петровича ему удалось уклониться от участи придворного шута. В течение многих лет, вплоть до своей кончины, он был российским послом в Англии, Швеции, Пруссии, Польше и Австрии. Но все же какой-то рок довлел над династией Бестужевых-Рюминых: жена Михаила Петровича — Анна Гавриловна (дочь канцлера Головкина) по подозрению в заговоре против императрицы Елизаветы (дело Лопухиной) подверглась наказанию кнутом и ссылке, где и скончалась в 1761 г.

...Елизавета Петровна скончалась 25 декабря 1761 г.; о последующих событиях рассказывает шведский автор граф Гордт. Он был приглашен во дворец и даже побывал в зале, где находился гроб с телом усопшей. Во дворце шведский гость присутствовал за богослужением; во время литургии он находился на хорах, где имел встречу с наследником престола Петром III: «Большая часть особ, собравшаяся в галерее, пошла в церковь, а меня Корф провел на хоры, — пишет Гордт. — Государь несколько раз приходил туда, чтобы поговорить со мною»³².

Еще до погребения Елизаветы, 31 января 1762 г., Петр III прибыл в Царское Село, чтобы подготовиться к целому ряду празднеств; в тот же день император и его свита вернулись в Петербург³³. После похорон императрицы 8 февраля состоялось церемониальное шествие всего Двора в Царское Село. 10 февраля, в воскресенье, был отпразднован день рождения Петра III, которому минуло 34 года. Всенощное бдение было совершено в комнатах его супруги — Екатерины. На следующее утро в царскосельской дворцовой церкви началась литургия, после которой «предику» (проповедь) говорил архиепископ Петербургский Вениамин (1761–1762), а во время поздравлений, «подносимых духовными особами», с батареей гремели пушки³⁴. Среди приглашенных на эти торжества был шведский граф Гордт. «День начался Божественной литургией; молебствие совершалось при пушечной пальбе; в церкви присутствовал государь»³⁵, — отмечал Гордт в своих записках.

О первых (и последних) шагах царствования Петра III подробно пишет А.Т. Болотов, которому довелось жить в Петербурге именно в этот период времени. В столицу Российской империи Андрей Тимофеевич отправился из Кенигсберга, где он «жил в мире и тишине, занимаясь своими учеными упражнениями»³⁶.

Русский писатель и путешественник словно предчувствовал, что в городе на Неве могут произойти трагические события; он задавался вопросом и о своей собственной судьбе. «Сими и подобными собеседованиями с самим собою занимался я во все время въезжания моего в Петербург, — вспоминал А.Т. Болотов. — Но наконец одна духовная ода славного и любимого моего немецкого пиита Куноса, ода, которую во всю дорогу я твердил наизусть и которая, начинаясь сими словами: “Есть Бог, пекущийся обо мне, а я, я смущаюсь и горюю и хочу сам пещися о себе”, неведомо как ободряла и подкрепляла меня при смутных обстоятельствах тогдашних, — прогнала и рассеяла и в сей раз, как вихрем прах, все смутные помышления мои и произвела то, что я въехал в город сей с спокойным и радостным духом»³⁷.

Рассказывая о кратком периоде правления Петра III, А.Т. Болотов старался выявить то положительное, что исходило из канцелярии императора. Так, 18 февраля 1762 г. был обнародован «Манифест о вольности дворянства». «Первейшею и наиглавнейшею милостью из всех было освобождение всего российского дворянства из прежде бывшей неволи и дарование оному навсегда совершенной вольности, с дозволением ездить всякому, по произволению своему, в чужие земли и куда кому угодно»³⁸, — так оценивает Болотов значение этого Манифеста.

Другим деянием Петра III было существенное ограничение власти тайной полиции, особенно усилившей свое влияние в 10-летний период правления Анны Иоанновны (1730–1740). Как отмечал А.Т. Болотов, «не менее важное благотворительство состояло в том, что он (Петр III) уничтожил прежнюю нашу и столь великий страх на всех наводившую и так называемую тайную канцелярию, и запретил всем кричать по-прежнему “слово и дело” и подвергать чрез то бесчисленное множество невинных людей в несчастья и напасти. Превеликое удовольствие учинено было и сим всем россиянам, и все они благословляли его за сие дело»³⁹.

И если бы Петр III ограничился подобными реформами в светской области, то он быстро снискал бы почет и уважение во многих кругах российского общества. По мнению Болотова, «со всем тем по некоторым делам, произведенным императором в первые месяцы его правления, можно было судить, что он от натуры не таков был дурен, но имел сердце, склонное к добру и такое, что мог бы он быть добродетельным»⁴⁰.

А.Т. Болотов старается сохранять объективность в оценке государственной деятельности Петра III. В своих записках он снова и снова повторяет, что «сими и некоторыми другими благотворительностями начал было сей государь вперять о себе лучшие мысли в своих подданных, и все начали было ласкаться надеждою нажить в нем со временем государя доброго»⁴¹.

Но роковой ошибкой императора, приведшей его к гибели, было то, что он начал вмешиваться в дела Русской Православной Церкви, затронув как имущественные интересы духовенства, так и религиозные чувства простых верующих. И, как продолжает Болотов, «последовавшие за сим другие и нимало с сим несообразные деяния, скоро в подданных сию надежду паки разрушив, увеличили в них ропот и негодование к нему еще более. К числу сих принадлежало наиглавнейше то с крайнею неосторожностью и неблагоразумием сопряженное дело, что он вознамерился было переменить совсем религию нашу, к которой оказывал особое презрение»⁴².

Начнем с имущественных интересов духовенства. Будучи в душе протестантом, Петр III стремился, как и в свое время Мартин Лютер, сделать Церковь «дешевой», не отягощающей императорскую казну. Ведь Реформация XVI в. в немецких землях началась с ограничения земельных владений католических монастырей, а затем и окончательного упразднения всех обителей. В этом направлении начал действовать и Петр III: «Начало и первый приступ к тому учинил он изданием указа об отобрании в казну у всех духовных и монастырей все их многочис-

ленные волости и деревни, которыми они до сего времени владели, и об определении архиереям и прочему знатному духовенству (фиксированного. — *а. А.*) жалования, также о непострижении никого вновь в монахи ниже тридцатилетнего возраста»⁴³, — пишет Болотов, замечая при этом: «Легко можно всякому себе вообразить, каково было сие для духовенства и какой ропот и негодование произвело во всем их корпусе; все почти вьявь изьявляли крайнюю свою за сие на него досаду»⁴⁴. Следует отметить, что впоследствии Екатерина II предприняла сходные действия в отношении имущественных прав Русской Православной Церкви. Но к тому времени императрица уже правила самовластно; она всячески демонстрировала свою набожность и приверженность к традициям православия. Кроме того, пополняя казну за счет церковных владений, государыня вела войну за освобождение юга России и Крыма от власти мусульман, что в какой-то мере морально оправдывало ее политику в отношении Церкви. Что касается Петра III, то, взойдя на Российский престол, он по-прежнему был теплохладен в отношении Церкви вообще и православия в частности.

Примером тому может служить рассказ А.Т. Болотова о том, как весной 1762 г. императорский Двор вселился в новопостроенный Зимний дворец. «Переселение сие произведено в Великую Субботу, при котором случае не было однако никакой особой церемонии, — отмечает Андрей Тимофеевич. — А и самое духовное торжество праздника не было так производимо во дворце, как в прежние времена, при бывшей императрице, ибо так как государь не хранил вовсе поста и имел отвращение от нашей религии, то и не присутствовал даже, по прежнему обыкновению, при заутрени, а предоставил все сие одним только духовным и императрице, своей супруге. И все торжество состояло только в сборище к нему во дворец всех знаменитейших особ для поздравления его как с праздником, так и с новосельем»⁴⁵.

Вот что писал о церковной политике Петра III очевидец переворота 1762 г. немецкий историк Август Людвиг Шлецер: «Сказать правду, Петр III выводил из терпения. Уже одно презрение, оказываемое русскому духовенству и богослужению в сравнении с приличием, с каким он присутствовал при лютеранском богослужении в Кронштадте, должно было раздражить всю нацию»⁴⁶.

При этом следует отметить, что у А.С. Пушкина можно почерпнуть сведения, которые представляют Петра III в более привлекательном свете. В рецензии на «Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского, изд. протоиереем Иоанном Григоровичем» (СПб., 1835), Пушкин сообщает, что владыка Георгий, чья епархия нахо-

дилась под двойным гнетом католической Польши и униатской Церкви, неоднократно обращался к православной России, прося заступничества. По этому поводу поэт замечает, что «императрица Елисавета Петровна, перед самой своей кончиной, и государь Петр III, при своем восшествии на престол, требовали от польского Двора, чтоб гонения над нашими единоверцами были прекращены»⁴⁷. Но если Елизавета Петровна предприняла эти действия, защищая православных, то Петр III продолжил ее линию скорее как протестант, борясь против католиков.

Воцарившись 25 декабря 1761 г., Петр III, по сообщениям его современников, «приказал выносить иконы из домовых церквей, созвал в Пруссии конклав для обсуждения мер к объявлению в России лютеранства господствующей верой»⁴⁸. Летом 1762 г. в Ораниенбауме состоялось освящение новой гарнизонной церкви; как почитатель Фридриха II, Петр III сохранил пристрастие к прусским порядкам и придавал чрезмерное значение армии в жизни государства. «Офицеры и нижние чины приводятся к присяге в дворцовой церкви»⁴⁹, — записал Яков Штелин 30 июня 1762 г. о придворных традициях, введенных в Ораниенбауме. (Яков Штелин, родом из Мемлингена, в 1735 г. был приглашен в Россию, трудился при Академии наук; 3 года преподавал историю великому князю Петру Феодоровичу.)

Тяготение Петра III к армейской дисциплине проявлялось постоянно, и в сообщении Штелина об освящении Ораниенбаумского храма это видно совершенно отчетливо. В своих записках под 23 июня он отметил: «Освящение вышеупомянутой церкви в присутствии Его Императорского Величества, его светлости герцога Георга и его принцев, гетмана, фельдмаршала Трубецкого, канцлера и вице-канцлера и всех прочих генералов, кавалеров и дам. Во время молебствия пальба из орудия и троекратный залп из гарнизона»⁵⁰.

Петр III не только проявлял пристрастие к прусской муштре в армии, но и в Русской Православной Церкви он пытался ввести элементы протестантизма. Так, например, по словам Штелина, накануне освящения «Его Величество (Петр III. — *а. А.*) был со мной в новой гарнизонной церкви и приказал уже велеть поставить орган»⁵¹.

Но если бы дело ограничилось интерьером придворной церкви, это не вызвало бы массового ропота у простых православных верующих. Петр III был совершенно оторван от российской реальности; он был «окружен злыми и негодными людьми и последовал внушаемым в него злым советам, более, нежели сколько надобно было»⁵².

Продолжая действовать в протестантском духе, Петр III встал на путь иконоборчества и тем самым подписал себе смертный приговор.

Вот что рассказывает Болотов о самоубийственной политике Петра III: «Изьявил он и все мысли свои в пространстве, чрез призвание к себе первенствующего у нас тогда (в Св. Синоде. — *а. А.*) архиеерея Димитрия Сеченова (1709–1767, с 1757 г. митрополит Новгородский. — *а. А.*) и приказание ему, чтоб из всех образов, находящихся в церквах, оставлены были в них одни изображающие Христа и Богородицу, а прочих бы не было; также чтоб всем попам предписано было бороды свои обрить и вместо длинных своих ряс носить такое платье, какое носят иностранные пасторы»⁵³.

Предугадать реакцию новгородского святителя не составляет труда. Воспитанник Московской Славяно-греко-латинской Академии, он в 1740 г. был поставлен во главе миссии, отправленной в поволжские губернии для обращения в христианство мусульман. За два года он обратил в православие более 17 тысяч «инородцев», а затем только в одной Нижегородской епархии, где он с 1742 г. был епископом, еще 50 тысяч⁵⁴. И вот этому-то ревностному архипастырю теперь предписывалось своими руками разрушить то, что составляло основу национальной церковной традиции.

«Нельзя изобразить, в какое наущение повергло сие приказание архиепископа Димитрия, — вспоминал Болотов. — Сей благоразумный старец не знал, как и приступить к исполнению такового всего меньше ожидаемого повеления и, усматривая ясно, что государь не иное что имел тогда в намерении своем, как пременение религии во всем государстве и введение лютеранского закона. Он принужден был объявить волю государеву знаменитейшему духовенству, и хотя сие притом только одним до времени осталось, но произвело уже во всех духовных великое на него неудовольствие, поспешествовавшее потом очень много к бывшему перевороту»⁵⁵.

Восстановив против себя духовенство, Петр III вызвал недовольство и в русских армейских кругах. Дело в том, что Россия добилась больших успехов в ходе Семилетней войны, заплатив за это тысячами жизней своих солдат. Так, 19 (30) августа 1757 г. русские войска одержали победу в битве при Гросс-Егерсдорфе; 1 (12) августа 1759 г. — победу при Кунерсдорфе, а 26 сентября (9 октября) 1760 г. русские войска заняли Берлин.

Фридрих II был на грани поражения; его спасла только кончина Елизаветы Петровны и воцарение ее наследника — Петра Феодоровича. Вступив на Российский престол, Петр III повелел вывести русские войска из Пруссии, а 5 мая (24 апреля) 1762 г. он заключил с Фридрихом II мирный договор. О личных симпатиях Петра III к Фридриху II упоминает А.Т. Болотов: «Каким-то образом случилось ему (Петру III. — *а. А.*)

сдружиться по заочности с славившимся тогда в свете королем Пруссии (Фридрихом II, 1712–1786. — *а. А.*) и заразиться к нему непомерною уже любовью и не только почтением, но даже подобострастием самым»⁵⁶.

Каковы же были причины того, что, не имея личного знакомства с Фридрихом II, Петр III с ним «сдружился по заочности»? По мнению Болотова, «помогло к тому много вошедшее в тогдашние времена у нас в сильное употребление масонство. Он (Петр III. — *а. А.*) введен был как-то льстецами и сообщниками в невоздержностях своих в сей орден, а так как король Прусский был тогда, как известно, гранд-метром сего ордена, то от самого того и произошла та отменная связь и дружба его с королем Прусским, поспешествовавшая потом так много его несчастию и самой пагубе»⁵⁷.

На чем же основывал русский писатель свои соображения? В своих записках он упоминает о том, что слухи на этот счет широко были распространены в российской столице. Кроме того, весьма ценны для прояснения этого вопроса и личные свидетельства А.Т. Болотова. Вот что пишет Андрей Тимофеевич по этому поводу: «Будучи еще в Кенигсберге и зашед однажды пред отъездом своим в дом к лучшему тамошнему переплетчику, застал я нечаянно тут целую шайку тамошних масонов и видел собственными глазами поздравительное к нему (Петру Феодоровичу. — *а. А.*) письмо, писанное тогда ими именем всей тамошней масонской ложи; а что с королем Прусским имел тогда он тайное сношение и переписку, производимую через нашего генерала Корфа и любовницу его графиню Кейзерлингшу, и что от самого того отчасти происходили и в войне нашей худые успехи, о том нам всем было по слухам довольно известно; а, наконец, подтверждало сие некоторым образом и то, что повсеместная молва, что наследник был масоном, побуждала тогда весьма многих из наших вступать в сей орден, и у нас никогда так много масонов не было, как в тогдашнее время»⁵⁸.

Подводя итоги, можно еще раз перечислить те «арбузные корки», на которых поскользнулся Петр III. Это посягательства на права и традиции Русской Православной Церкви, германофилия, масонство... Недовольство императором нарастало как снежный ком. Что же сыграло роль «спускового крючка», обрушившего на его голову «снежную лавину»?

В одном из своих писем Екатерина II, перечисляя причины, вызвавшие переворот в ее пользу, упоминает и о своих личных мотивах. «Петр III совершенно потерял рассудок, — сетует государыня. — Он хотел распустить гвардию, вывести ее за город и заместить голштинцами, хотел ввести иное вероисповедание, жениться на Елизавете Воронцовой, а со мной развестись и засадить меня в тюрьму»⁵⁹.

Опираясь на верную ей гвардию, Екатерина II 23 июня 1762 г. отстранила Петра III от управления государством, причем «духовенство все было за нее»⁶⁰. Испанский посланник маркиз П. де Альмодовар, который находился в Петербурге в дни переворота, сообщал в Мадрид: «В опубликованном манифесте кратко говорится, что Императрица взошла на престол по воле народа, что она свергла императора за его неуважение к религии и за его приверженность к опасным новшествам, которые он желал ввести»⁶¹.

Характерно, что в одном из первых распоряжений участники переворота испрашивали у Екатерины скорейшего разрешения «вносить обратно в (домовые) церкви образа, убранные по распоряжению Петра III»⁶². Петр III был вынужден отречься от императорской власти; он написал письмо, в котором обращался к Екатерине II: «Прошу Вас отпустить меня скорее с назначенными лицами в Германию»⁶³, где до воцарения на российский престол он был герцогом Голштинским. Но история распорядилась иначе, и 7 июля он был убит в загородной резиденции в Ропше.

Весьма символично, что в самый тяжелый момент своей жизни Петр III обратился за духовной поддержкой в церковь Ораниенбаума. Как сообщает Штелин, «при перевороте Петру III несколько раз делалось дурно, и он посылает за священником тамошней русской церкви»⁶⁴. Куда же посылал обреченный самодержец? Сведения о храмах Ораниенбаума содержатся в трактате петербургского историографа немецкого происхождения И.Г. Георги. Он сообщает о том, что во дворце «в одном флигеле находится небольшая греческая (православная. — *а. А.*) церковь»⁶⁵. Вот еще одно замечание того же автора, относящееся к Ораниенбауму начала 1780-х гг.: «Кроме церкви и трактира, имеются в городе токмо деревянные дома. Лютеранцы имеют здесь зал для богослужения и немецкого проповедника»⁶⁶.

О некоторых подробностях переворота 1762 г. А.С. Пушкин сообщает в «Застольных беседах». Одна из них, озаглавленная «Разговоры с И.К. Загряжской», датируется 12 августа 1835 г. Собеседница поэта была свидетельницей тех события, и с ее слов Пушкин записал такие строки: «Мы приехали в Ораниенбаум. Государь пошел в крепость, а мы во дворец. На другой день зовут нас к обедне. Мы знали уже все. Государь был очень жалок. На ектенью его еще поминали. Мы с ним простились. Он дал матушке траурную свою карету с короною. Мы поехали в ней. В Петербурге народ принял нас за императрицу и кричал нам “Ура!”»⁶⁷.

Примечательно, что накануне переворота, как сообщает де Альмодовар, «иностранные послы и весь Двор были приглашены в Петергоф, где

должны были оставаться до 11 июля, ибо 10-го должно было состояться большое празднество по случаю дня святых Петра и Павла»⁶⁸. Император Петр III прибыл на празднества из Ораниенбаума в Петергоф, не предполагая, что его дни уже сочтены...

Один из членов Мальтийского ордена, прибывший в С.-Петербург в конце XVIII в., дал такую характеристику этому сложному периоду: «Петр III конфисковал владения духовенства в пользу короны и низвел его на степень простого служилого сословия. Императрица Екатерина в своих лицемерных воззваниях упрекала своего несчастного супруга за его ненависть к духовенству и Церкви и сделала из нее предлог к его осуждению; но она поостереглась вернуть духовенству то, что у него отнял император, и этот изобильный источник средств во все время ее царствования служил для обогащения ее фаворитов и щедрого покровительства искусствам и полезным учреждениям»⁶⁹.

Обстоятельства насильственной смерти Петра III не разглашались, и дипломаты, получившие официальные сведения, добросовестно излагали их в своих отчетах. Вот что, например, сообщал в Лондон Роберт Кейт, английский министр при русском Дворе: «В прошлое воскресенье в десятом часу вечера секретарь Иностранной Коллегии принес мне прочитать бумагу, написанную на французском языке и следующего содержания. Министр русской императрицы считает долгом известить иностранных министров, что бывший император вчера скончался от сильного припадка колики вследствие геморроя, которому он бывал часто подвержен. Император умер на маленькой казенной даче, в 18 верстах расстояния от Царского Села, и в ночь с воскресенья на понедельник тело его перевезено в (Александро-) Невский монастырь, где и находится в настоящую минуту и куда народ стекается толпами, чтобы взглянуть на него. Похороны, как слышно, будут завтра или послезавтра»⁷⁰.

А еще через несколько дней английский дипломат отправил из С.-Петербурга очередное донесение, в котором были такие строки: «Покойного императора похоронили в среду утром в Невском монастыре без всякой церемонии в присутствии чинов первых пяти классов»⁷¹.

Переворот 1762 г., связанный с насильственной кончиной Петра III, отозвался в России восстанием Пугачева (1773–1775 гг.), который, как известно, выдавал себя за отстраненного от власти императора. Для того чтобы разоблачить самозванца, в церквях зачитывались архиерейские увещания, призывавшие православных христиан не верить лже-Петру. В пушкинском архиве сохранился текст одного из таких документов. Это разосланное по храмам 7 апреля 1774 г. Увещание, составленное Преосвященным Вениамином, архиепископом Казанским и Свияжским.

В сопроводительном тексте сообщается, что это Увещание «по вся воскресные и праздничные дни при народном собрании было читано, коим отчаянный (отчаявшийся. — *а. А.*) народ наслаждался, был весьма подкреплен, и волнующиеся духом о имени покойного государя императора Петра третьего, которое взял на себя злодей, будучи уверены Его Преосвященством, в мыслях успокоились и питались наслаждением оного недовольно слышанием в церквах, но и брали в дома с великою жадностью и, друг другу то уверение Его Преосвященства рассказывая, за подлинно все признавали императора Петра третьего умершим, одним словом сказать, что весь город о том только и говорил»⁷².

Текст Увещания интересен тем, что архиепископ Вениамин в 1762 г. присутствовал в С.-Петербурге при похоронах императора Петра III и, как очевидец этого скорбного события, приводит такие подробности, которые со временем были бы забыты и таким образом утрачены для русской истории. Поэтому следует привести полностью текст этого документа, сохранившегося в пушкинском рукописном архиве.

«Божиею милостью смиренный Вениамин, архиепископ Казанский и Свияжский.

И се свидетеля Бога на душу мою не ложно призывая, что Петр третий бывший император всероссийский 1762 года июля в первых числах по власти Всемогущего Бога в Петербурге скончался, тело его того ж июля в 6 числе на утренней заре привезено в Александро-Невский монастырь и поставлено было в зале, в тех деревянных покоях, в которых я, будучи в то время Петербургским архиепископом, жительство имел, где и стояло оно чрез несколько дней, куда по обычаю древнему приходили премногие тысячи знатнейшего, среднего и простого народа для отдания ему последнего долгу, а потом в присутствии всего Святейшего Синода и многого духовенства, в прибытии правительствующего Сената, премногих вельмож, знатных как российских, так и иностранных особ и других людей из помянутой залы перенесено с подобающего церемониею в церковь и поставлено на уготованном приличествующем царской персоне месте, где по совершении Божественной литургии и по отпечи погребения мною самим с прочими преосвященными архиереями синодальными членами, как то: Димитрием архиепископом Новгородским, Гедеоном епископом Псковским, Палладием епископом Рязанским, Афанасием епископом Тверским, Порфирием епископом Коломенским, Лаврентием архимандритом Свято-Троицким Сергиевы Лавры и прочего духовенства, погребено в церкви святого Александра Невского и запечатлено земною перстиею мною ж.

Вот кратчайшая наидостоверная, не токмо российскими тмочисленными народами утвержденная, но поелику от всех коронованных монархов на то время в Петербурге находившиеся и присутствовавши при погребении сей толь знаменитой церемонии очевидные были свидетели посланники, о том уведомивши вскоре высокие дворы свои все целою почти Европою засвидетельствованная повесть»⁷³.

В конце XVIII в. один из бытописателей С.-Петербурга бегло упомянул о могиле Петра III: «В небольшой из здешних церквей находятся некоторые гробницы императорской фамилии, как-то: Петра III, принцессы Марии, великия княгини Наталии Алексеевны и еще других»⁷⁴. Титул «Императора Всероссийского» давал его обладателю посмертное право на погребение в Петропавловском соборе, но в отношении Петра III это не было исполнено вплоть до кончины Екатерины II.

Примечательно, что в своем завещании, составленном в 1792 г., императрица Екатерина указала место для своего погребения в зависимости от того, где ее застигнет смертный час. Среди прочих своих загородных резиденций государыня упомянула и Пеллу (близ нынешней Мги): «Буде — в Пелле (умру), то перевозить водой в Невский монастырь»⁷⁵. Так что была некоторая вероятность того, что Екатерина II могла быть похоронена рядом со своим супругом Петром III. Но кончина застала императрицу в Санкт-Петербурге, и она была с почестями погребена в Петропавловском соборе рядом с... Петром III.

В течение 34 лет имя Петра III произносилось в России только шепотом. Однако с восшествием на престол Павла I — сына Петра III и Екатерины II — отношение к покойному императору изменилось, и в 1796 г. усыпальница Петропавловского собора приняла его прах под свои своды. Об этом пишет французский аббат Жоржель, прибывший в Петербург в качестве посланца мальтийского ордена. Упомянув о том, что «собор или церковь в честь святых Петра и Павла находится посреди крепости; снаружи он замечателен лишь своим золоченым шпилем, а внутри гробницами Петра I, супруги его Екатерины I, императриц Анны и Елизаветы, Петра III и Екатерины II»⁷⁶, аббат Жоржель продолжает: «Павел I велел перенести туда тело своего отца (Петра III. — *а. А.*). Вся Европа знает трагическую кончину этого императора и историю захвата власти его супругой. После умерщвления он был без всякой пышности похоронен в церкви святого Александра Невского. По восшествии на престол его сын велел вырыть из земли тело отца, положить его на парадное ложе во дворце, воздать ему все почести, приличествующие государю, и приказал затем похоронить его рядом с Екатериной II в собо-

ре... Эта церковь, — добавляет Жоржель, — от пола до сводов увешана трофеями, отнятыми у врагов Империи»⁷⁷.

Французская писательница Жермена де Сталь, побывавшая в России в 1812 г., вторит своему соотечественнику: «Когда Павел I вступил на трон, он приказал короновать останки своего отца Петра III, который не мог покоиться в крепости, не удостоившись этой чести при жизни. По приказу Павла I вновь провели церемонию похорон его отца и его матери Екатерины II»⁷⁸.

Об этом необычном событии упоминает в своих записках знаменитый романист Александр Дюма, побывавший в Санкт-Петербурге в 1858 г. Французский писатель, уделивший достаточно внимания обстоятельствам гибели Петра III в Ропше⁷⁹, не мог умолчать о переносе его останков из Александро-Невского монастыря в Петропавловский собор. Вот как происходило все это в изложении Александра Дюма: «Павел I отправился поклониться праху отца в Лавру Святого Александра Невского, спустился в подземелье и, приказав старому монаху показать забытую гробницу, заставил ее открыть, преклонил колена перед останками, снял с руки скелета перчатку и 3 раза поцеловал холодную длань, после чего долго и благоговейно молился, приказав поднять гроб на хоры. Он распорядился, чтобы все те почести, которые воздавали во дворце умершей Екатерине II, были возданы также Петру III. И — последняя дань восстановленной справедливости — велел сопровождать тело самим же убийцам — тем, кто был еще жив»⁸⁰.

К этому времени из числа участников «событий в Ропше» в живых оставались граф Алексей Григорьевич Орлов (1737–1808) и князь Федор Сергеевич Барятинский (1742–1814). Александр Дюма и называет их имена, отметив, что Павел I «заставил Алексея Орлова и Барятинского, единственных оставшихся в живых участников этой ужасной драмы, следовать впереди похоронной процессии. Каждый из них держал угол покрывала, наброшенного на гроб их жертвы»⁸¹.

Вот еще несколько строк, посвященных «двойным похоронам» венценосных родителей Павла I. Завершая рассказ о судьбе Петра III, Дюма пишет: «Поскольку Петр III не был коронован, Павел приказал короновать его в гробу, затем перевезти тело во дворец и выставить рядом с телом Екатерины; отсюда останки обоих самодержцев, столь трагически разделенных при жизни и так странно соединенных после смерти, были перевезены в крепость, поставлены на одном помосте, к которому в течение восьми дней приходили для прощания: народ — из религиозных побуждений, придворные — из низменных соображений»⁸².

Так, по воле Павла I была восстановлена историческая справедливость. Но вряд ли император мог предполагать, что через 5 лет он разделит судьбу своего отца и падет жертвой очередного дворцового переворота...

Приложение 1

Манифест о назначении великого князя Петра Феодоровича наследником российского престола

(Опубл. в: Странник. 1868. Т. 1. С. 29–30)

Божиею милостью, Мы, Елисаветъ первая, Императрица и Самодержица всероссийская, и прочая и прочая.

Какими неиспытными Всевышнего Творца нашего Бога судьбами, Мы на родительский Наш Всероссийский Императорский престол вступили, о том уже, чрез выданные в прошлом году и двоекратно в народ опубликованные манифесты, довольно изъяснено и всем известно. А понеже Мы всегда о постоянном Нашей империи и всех наших верноподданных благополучии имея матернее попечение, и за главное сие причитая, Богу поспешествуя, всемилостивейше определяем Нашего Императорского престола наследником вселюбезнейшего нашего племянника, сына Ея Императорского Высочества, вседражайшия сестры Нашей, блаженныя памяти Государыни Цесаревны Анны Петровны, Его Королевское высочество Петра, владетельнаго герцога шлезвиг-голштинскаго, яко по крови Нам ближайшего, котораго отныне Великим Князем с титулом Его Императорское Высочество всемилостивейше именовывать повелеваем. И желаем от всех наших верноподданных, духовнаго и мирскаго чина, и всего всероссийскаго народа, дабы, по сему Нашему соизволенію и определению, сего от нас всемилостивейше определеннаго наследника нашего, Великаго Князя Петра Феодоровича, за законнаго нашего наследника признавали и почитали; и во утверждение сего нашего постановления на сем, обещаем пред святым алтарем над святым Евангелием и целованием креста утвердили, всех же тех, кто сему Нашему соизволенію, в которое нибудь время противными быть дерзнут, изменниками нам и отечеству объявляем, и сие для всенароднаго известія напечатав, повсюду объявить и разослать повелели. Дан в Москве, государствования нашего в первое лето 1742, — ноября 7 дня.

Приложение 2

Присяга на верность наследнику российского престола Великому князю Петру Феодоровичу

(Опубл. в: Странник. 1868. Т. 1. С. 30–31)

Я, нижеименованный, обещаю пред святым Евангелием в том, что, по изданному Ея императорскаго Величества, Всепресветлейшия Самодержавнейшия и Великия Государыни императрицы Елисаветъ Петровны, яко моей ис-

тинной Государыни, и в народ публикованному, сего 1742 года ноября 7 числа, Высочайшему манифесту, учрежден и объявлен в наследники Всероссийского престола, племянник Ея Императорского Величества, Его Императорское Высочество, Государь Великий Князь Петр Феодорович. Того ради клянусь всемогущим Богом, в Троице славимым, что я то Ея Императорского Величества определение за истинное и правдивое признаваю, и оному во всем повиноваться буду, и помянутого определенного наследника, племянника Ея Императорского Величества, Государя Великого Князя Петра Феодоровича за истинного наследника признавать и почитать, и во всяком случае и с положением живота (жизни — а. А.) своего против всех тех, которые б сему противно чинить дерзнули, стоять не оставляю: и на всем том, яко выше изображено, и паки клянусь христианскою совестью и судом Божиим пред святым Его Евангелием, и целую слова и крест Спасителя моего, аминь. Ноября 7 дня 1742 года.

Примечания

- ¹ *Болотов А.Т.* Петербург при Петре III. СПб., 1901. С. 19–20.
- ² Эд. Финч лорду Гаррингтону. С.-Петербург, 19 (30) декабря 1741 г. // Сборник Русского исторического Общества (Сб. РИО). СПб., 1894. Т. 91. С. 379–380.
- ³ К. Вейч лорду Картерету. Москва, 30 октября (10 ноября) 1742 г. // Там же. С. 120.
- ⁴ К. Вейч лорду Картерету. Москва, 8 (19) ноября 1742 г. // Там же. С. 132–133.
- ⁵ Там же. С. 133.
- ⁶ Там же. С. 133.
- ⁷ Цит. по: Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 48.
- ⁸ Архангельский Михаил, свящ. Преосвященный Никодим, первый епископ С.-Петербургский // Странник. 1868. Т. 1. С. 30.
- ⁹ Там же. С. 31.
- ¹⁰ К. Вейч лорду Картерету. Москва, 15 ноября 1742 г. (26 ноября н. ст.) // Сб. РИО. Т. 99. С. 138.
- ¹¹ Там же. С. 139.
- ¹² Там же. С. 140.
- ¹³ Там же. С. 140.
- ¹⁴ К. Вейч лорду Картерету. С.-Петербург, 18 (29) октября 1743 г. // Сб. РИО. Т. 99. С. 426.
- ¹⁵ Там же. С. 426.
- ¹⁶ Там же. С. 426–427.
- ¹⁷ К. Вейч лорду Картерету. С.-Петербург, 25 октября (5 ноября) 1743 г. // Сб. РИО. Т. 99. С. 428.
- ¹⁸ Там же. С. 428.
- ¹⁹ Там же. С. 429–431.
- ²⁰ К. Вейч лорду Картерету. С.-Петербург, 1 ноября (12 ноября) 1743 г. // Сб. РИО. Т. 99. С. 438.
- ²¹ Там же. С. 438.
- ²² Там же. С. 437.
- ²³ Там же. С. 437.
- ²⁴ *Болотов А.Т.* Указ. соч. С. 20.
- ²⁵ Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 5.

- ²⁶ *Болотов А.Т.* Указ. соч. С. 20.
- ²⁷ Записки императрицы Екатерины II... С. 86.
- ²⁸ *Болотов А.Т.* Указ. соч. С. 24.
- ²⁹ Там же. С. 25.
- ³⁰ Там же. С. 25.
- ³¹ К. Вейч лорду Картерету. С.-Петербург, 23 марта 1743 г. (н.ст.) // Сб. РИО. Т. 99. С. 276.
- ³² Плен графа Гордта в России (1759–1762) // Русский архив. 1877. Кн. 2. № 5–8. С. 314.
- ³³ *Бенуа А.* Царское Село в царствование императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1910. С. 260.
- ³⁴ Там же. С. 262.
- ³⁵ Плен графа Гордта... С. 322.
- ³⁶ *Болотов А.Т.* Указ. соч. С. 3.
- ³⁷ Там же. С. 6.
- ³⁸ Там же. С. 28–29.
- ³⁹ Там же. С. 29.
- ⁴⁰ Там же. С. 26.
- ⁴¹ Там же. С. 30.
- ⁴² Там же. С. 30.
- ⁴³ Там же. С. 30.
- ⁴⁴ Там же. С. 30–31.
- ⁴⁵ Там же. С. 57–58.
- ⁴⁶ Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера // Сборник отд. русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1875. Т. 13. С. 97.
- ⁴⁷ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1949. Т. XII. С. 13.
- ⁴⁸ Русский архив. 1911. № 5. С. 21.
- ⁴⁹ Император Петр III. Записка Штелина // Русский архив. 1909. Т. 8. С. 532.
- ⁵⁰ Дневник статского советника Мизере о службе при Петре Третьем // Русский архив, 1911. № 5. С. 19. (Под псевдонимом Мизере скрывался Якоб Штелин. — *а. А.*)
- ⁵¹ Там же. С. 19.
- ⁵² *Болотов А.Т.* Указ. соч. С. 26.
- ⁵³ Там же. С. 31.
- ⁵⁴ Христианство: Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 477.
- ⁵⁵ *Болотов А.Т.* Указ. соч. С. 31.
- ⁵⁶ Там же. С. 21.
- ⁵⁷ Там же. С. 21–22.
- ⁵⁸ Там же. С. 22.
- ⁵⁹ Записки императрицы Екатерины II... С. 268. Письмо Екатерины II к Понятовскому.
- ⁶⁰ Дневник статского советника Мизере о службе при Петре Третьем... С. 21.
- ⁶¹ Россия и Испания: Документы и материалы. 1667–1917 годы. М. 1991. Т. 1. С. 184.
- ⁶² Записка о воцарении Екатерины II // Русский архив. 1879. Т. 1. С. 367.
- ⁶³ Дневник статского советника Мизере... С. 23. (Письмо от 30 июня 1762 г.).
- ⁶⁴ Император Петр III. Записка Штелина... С. 530.
- ⁶⁵ *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 725.
- ⁶⁶ Там же. С. 728.
- ⁶⁷ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. XII. С. 175.
- ⁶⁸ Россия и Испания... С. 186.
- ⁶⁹ Записка баварца о России времен императора Павла // Русская старина. 1899. Т. 99, сентябрь. С. 556.

- ⁷⁰ От Роберта Кейта Г. Гренвилю. Петербург, 9 (20) июля 1762 г. // Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 12. С. 24–25.
- ⁷¹ От Р. Кейта Г. Гренвилю. Петербург, 12 июля 1762 г. // Там же. С. 28.
- ⁷² *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М. 1940. Т. IX. Ч. 2. История Пугачева. Материалы. С. 557.
- ⁷³ Там же. С. 557.
- ⁷⁴ *Георги И.Г.* Указ. соч. С. 130.
- ⁷⁵ *Воинов В.* Пелла // Старые годы 1916. Т. 1, октябрь-декабрь. С. 146.
- ⁷⁶ Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1913, С. 127.
- ⁷⁷ Там же. С. 127.
- ⁷⁸ Русские глазами знаменитой француженки // Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы. Тверь., 1993. С. 151.
- ⁷⁹ *Дюма А.* Путевые впечатления в России: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 294–295.
- ⁸⁰ Там же. Т. 1. С. 62.
- ⁸¹ Там же. Т. 2. С. 296.
- ⁸² Там же. Т. 1. С. 62.

О.В. Иодко

Каспар-Фридрих Вольф в Петербурге

Все специалисты, которые писали о научных заслугах анатома и физиолога Каспара Фридриха Вольфа (1734–1794), сокрушались по поводу скудости биографических данных о нем.

Важным немецким источником считается биография, написанная врачом и заграничным ассистентом ученого Христианом-Людвигом Мурзинной¹. Когда тому было 75 лет, его на это вдохновил Гете, который считал Вольфа своим предшественником в разработке учения о метаморфозе растений. Гете издал биографию Вольфа в 1819 г. в своем сборнике «Zur Morphologie» и сопроводил ее четверостишием:

